

9. Миллер Г. Ф. Краткое известие о начале Новгорода... // Ежемесячные сочинения... 1761. Июль—октябрь.
10. Миллер Г. Ф. Опыт новейшей истории о России // Ежемесячные сочинения... 1761. Генварь—март.
11. Пекарский П. П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале в 1755—1764 годов // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1867. Т. II, № 4.
12. Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.
13. Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 199. Оп. 2. Портфель 412. Ч. 1. Д. 13.
14. Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М., 1988.
15. Голицын Н. В. Портфели Г. Ф. Миллера. М., 1899.
16. Наказ Имп. академии наук... // Сборник Имп. Русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 43.
17. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 46. Д. 8.
18. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 150. Ч. 18. Д. 3.
19. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 363. Д. 2.
20. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 363. Д. 1.
21. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 363. Д. 3, 4.
22. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфели 185, 199, 210.
23. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портфель 385. Ч. 2.
24. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портфель 385. Ч. 2. Д. 10, 16.
25. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 150. Ч. 5. Д. 26; Портфель 413. Ч. 1.
26. РГАДА. Ф. 180. Оп. 2. Д. 1.
27. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках // Труды Архива АН СССР. М.-Л., 1940. Вып. 4.
28. Каменский А. Б. «...Сей город за центр всего государства почесть можно...» Герард Фридрих Миллер // Краеведы Москвы. М., 1991.
29. РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 54.
30. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 362. Ч. 2. Д. 1.
31. Экспедиция академика Г. Ф. Миллера по Московской провинции в 1778—1779 гг. М., 1995. Деп. в ИНИОН РАН 25.12.95., № 51035.
32. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 362. Ч. 2. Д. 4.
33. Путешествие г. Д. С. советника Миллера к Святотроицкому Сергиеву Монастырю // Новые ежемесячные сочинения. 1789. Ч. XLI. Ноябрь.
34. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портфель 546. Ч. 3. Д. 11.
35. Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород покойного действительного статского советника и кавалера Миллера // Новые ежемесячные сочинения. 1790. Ч. XLVI.
36. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 362. Ч. 1. Д. 8.
37. Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985.
38. Илизаров С. С. Анкеты XVIII в. как источник по историографии города // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. Сб. статей. М., 1978.
39. Казаков Р. Б. О замысле и источниках «Путешествия вокруг Москвы» Н. М. Карамзина // Мир источниковедения. М., Пенза, 1994.
40. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портфель 389. Ч. 2. Д. 2.
41. Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века // Труды Архива АН СССР. М.-Л., 1946. Вып. 6.
42. РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 59.
43. РГАДА. Ф. 180. Оп. 15.
44. РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 59.
45. РГАДА. Ф. 180. Оп. 16. Д. 313.
46. Московские Ведомости. 1783. 18 октября. № 83.

З. А. БЕССУДНОВА, Л. Т. ПРЖЕДЕЦКАЯ, Ю. Я. СОЛОВЬЕВ

ПОСЛЕДНЕЕ ТВОРЕНИЕ АРХИТЕКТОРА КЛЕЙНА

В центре Москвы, напротив исторической святыни России — Кремля, около Манежной площади, на Моховой, 11 располагается великолепное трехэтажное строение, в котором находится Государственный геологический музей им. В. И. Вернадского (ГГМ). История строительства этого замечательного здания весьма примечательна и тесно связана с развитием Московского государственного университета, в недрах которого зарождался ГГМ — один из крупнейших естественных музеев Европы, коллекциям которого более двухсот лет.

Университет в Москве всегда занимал особое место, был социально-общественным центром города, планировочной основой, архитектурной доминантой, центром науки и культуры. Первое университетское здание — Аптекарский дом — находилось в бывшем Аптекарском Приказе; это было специально перестроенное здание архитектора князя Д. В. Ухтомского с пышным барочным залом и многообразием объемов, расположенное у центральной площади Москвы (см. [1, с.26]). Сейчас на месте этого дома находится Исторический музей.

Вскоре после основания в 1755 г. Московского университета уральские промышленники Прокофий, Григорий и Никита Демидовы (сыновья знаменитого уральского горнопромышленника петровских времен. — Демидова Акинфия Никитича) пожертвовали университету минералогическую коллекцию. Она состояла из 6000 образцов минералов и руд Урала, Сибири и собрания минералов известного немецкого минералога И. Ф. Генкеля. На экспонатах «минерального кабинета», купленного Демидовыми у И. Ф. Генкеля — профессора Фрайбергской горной академии, ранее постигал основы минералогии и горного дела М. В. Ломоносов, обучаясь в Германии в период 1739—1740 гг.

Так называемый «демидовский минеральный кабинет», привезенный в университет в 1759 г., заложил основу коллекции минералогического кабинета в Московском университете. Сначала этот кабинет размещался в университетской библиотеке для всеобщего обозрения, а в 1761 г. для него отвели отдельное помещение в том же университетском здании, которое называлось Аптекарским домом.

«Демидовское» собрание минералов было одной из самых крупных для того времени коллекций в мире [2, с. 31] и активно использовалось профессорами натуральной истории для обучения студентов на лекциях.

Университету было тесно в Аптекарском доме, и правительство решило возвести комплекс университетских зданий. Они были построены в конце XVIII в. на Моховой улице. В этом архитектурном ансамбле отразились лучшие черты московского зодчества — разноэтажность, силуэт, скульптурность, цвет, развитое интерьерное пространство, парадный двор.

Библиотека, типография, обсерватория, ботанический сад, театр, музеи (исторический, политехнический, зоологический, изящных искусств), минералогический кабинет — все это было создано в Московском университете и сразу же стало достоянием любознательной московской публики.

Главным в комплексе зданий был Университетский дом, построенный по проекту талантливого русского зодчего М. Ф. Казакова к 1793 г. (заложен в 1786 г.). Именно в этом корпусе на третьем этаже в парадной зоне, в галереях, примыкающих к Большой аудитории (актовый зал), размещались библиотека и минералогический кабинет, который с 1791 г. назывался Музеем натуральной истории.

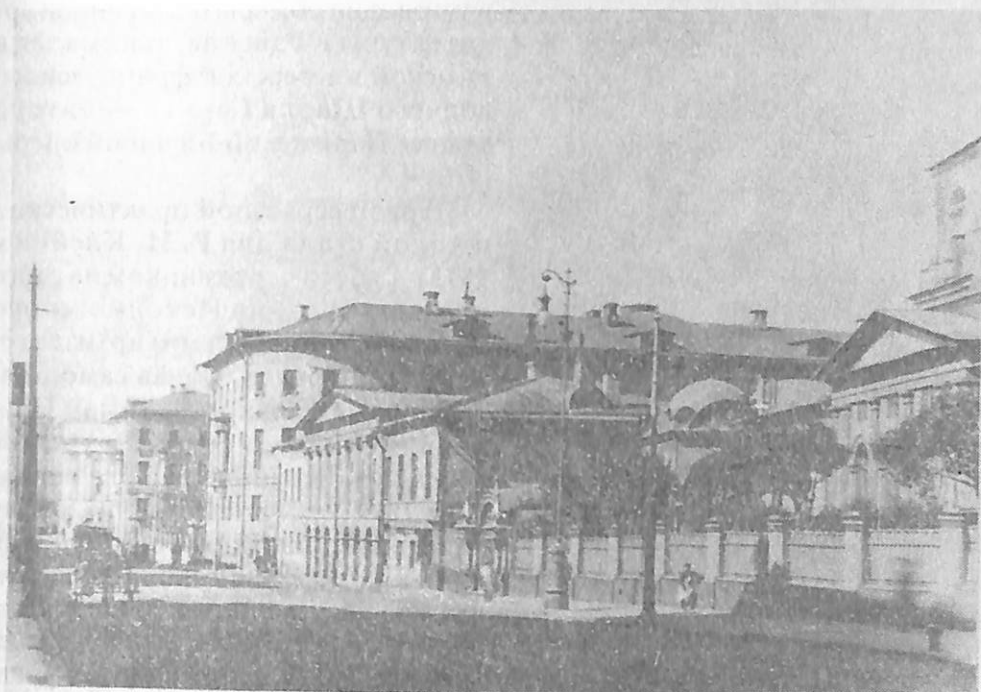
При пожаре Москвы во время Отечественной войны в сентябре 1812 г. огонь уничтожил актовый зал с библиотекой и музеем. Большая часть экспонатов музея, куда входили дары не только Демидовых, но и Александра I (коллекция, приобретенная им у князей Яблоновских), княгини Е. Р. Дашковой — первого президента Российской академии наук и других дарителей, погибла.

Восстановление Университетского дома поручили итальянскому архитектору Доменико Жилярди, и оно было закончено в 1819 г. Усилиями директора Музея натуральной истории — профессора Г. И. Фишера фон Вальдгейма (основателя Московского общества испытателей природы), а также новыми дарами Н. Н. Демидова, купеческого сына Михайлы Часовникова, иностранного члена-корреспондента Петербургской академии наук профессора Х. А. Ципсера из Венгрии и ряда других меценатов музеев возрождался. С 1835 г., после отделения Зоологического музея, он получил название Музея естественной истории, а с 1844 г., в связи с дифференциацией геологических наук, снова обособился как Минералогический кабинет.

Большой вклад в развитие музея за годы его существования внесли профессор Московского университета Г. Е. Щуровский, М. А. Толстопяттов, А. П. Павлов, В. И. Вернадский.

Поскольку собрание коллекций музея приумножалось, то, естественно, назрела необходимость в расширении его помещения. А. П. Павлов и В. И. Вернадский многие годы добивались создания нормальных условий для постановки в университете учебной и научно-исследовательской работы в области геологии и минералогии. В 1907 г. они представили техническое задание на проектирование здания специально для Минералогического и Геологического институтов (с музеями и библиотеками) Московского университета. Они учли опыт посещения лучших европейских музеев во время своих зарубежных поездок. Это специальное здание решено было строить по соседству с основным корпусом университета (Университетским домом), на месте построенного в 1823 г. Аптечного корпуса, в котором сначала помещался медицинский факультет. В начале XX в., когда медицинский факультет и больница университета уже размещались в других зданиях, в Аптечном корпусе некоторое время жил ректор.

Предварительный эскиз проекта здания составил в 1910 г. штатный архитектор университета Александр Сергеевич Гребенщиков. На этом черте-

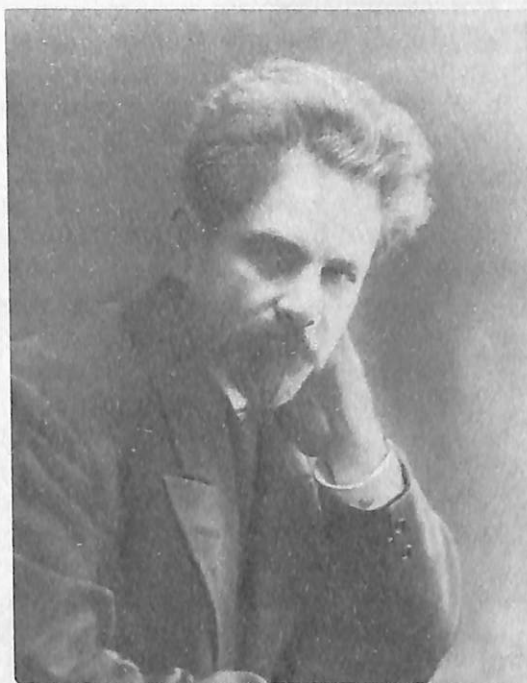

*Двухэтажный Аптечный корпус, на месте которого сейчас стоит Государственный геологический музей им. В. И. Вернадского. За ним — трехэтажное здание Университетского дома.
Фото из фондов ГНИМА им. А. В. Шусева*

же стоят подписи профессоров А. П. Павлова («Проект вполне удовлетворяет требованиям геологического института») и В. И. Вернадского («Проект вполне удовлетворяет требованиям минералогического кабинета»), а также подпись инженера А. С. Гребенщикова и дата — 12 апреля 1910 года [3, л. 369].

В 1912 г. после ухода А. С. Гребенщикова из университета проект корректировал архитектор Департамента народного просвещения инженер Николай Константинович Бакеев. При корректировке была уменьшена высота здания, чтобы оно не возвышалось над Университетским домом.

1 марта 1913 г. ректор университета Матвей Кузьмич Любавский пригласил на должность архитектора-строителя здания академика архитектуры Романа Ивановича Клейна (1858—1924), хорошо известного и очень талантливого московского архитектора. Он происходил из довольно богатой многодетной московской семьи, имевшей на Малой Дмитровке свой дом (который, к сожалению, не сохранился), где устраивались приемы именитых гостей — музыкантов, художников, литераторов. Маленький Роман с увлечением музицировал и рисовал. А когда подрос, поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества и после его окончания в 1877 г. был зачислен в Петербургскую академию художеств. После защиты в 1882 г. дипломного проекта его направили на стажировку в Италию, где он

Р. И. Клейн. 1900-е гг.

Фото из фототеки Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

производил обмеры памятников архитектуры в Равенне, занимался в римской мастерской французского зодчего Шарля Гарнье — автора здания Парижской Большой оперы [4, с. 9].

Первой серьезной практической школой стала для Р. И. Клейна в 1875 г. работа чертежником на строительстве здания Исторического музея под руководством архитектора В. О. Шервуда. Начав самостоятельную деятельность, Роман Иванович сблизился с кругом ученых Московского университета и в начале 1890-х гг. построил по заказу университетской администрации на Девичьем поле две клиники, классическую гимназию и студенческое общежитие. Всего им было возведено в Москве более 60 зданий и различных архитектурных сооружений, в том числе Средние торговые ряды на Красной площади, здание

торгового дома «Мюр и Мерилиз» (ныне ЦУМ), Бородинский мост, кинотеатр «Колизей» (ныне театр «Современник»), храм-усыпальница князей Юсуповых в усадьбе Архангельское и десятки коммерческих, промышленных и жилых построек в разных районах Москвы.

7 апреля 1896 г. он был избран председателем Московского архитектурного общества. Академия художеств, представляя Р. И. Клейна в 1907 г. к званию академика и награждая золотой медалью, характеризовала талантливого мастера такими словами: «Принадлежит к числу архитекторов Москвы, пользующихся наибольшей известностью: репутацию энергичного, образованного, опытного и выдающегося особым художественным вкусом зодчего он приобрел многочисленными работами, непрерывно веденными им в течение 22-х лет самостоятельной деятельности» [5, с. 39].

Самым значительным произведением Р. И. Клейна явилось здание Музея изящных искусств Московского Императорского университета, строительство которого продолжалось 15 лет, в период с 1898 по 1912 гг. Основателем его был профессор Московского университета Иван Владимирович Цветаев — отец Марины Цветаевой. Ныне это Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина на Волхонке. В эти годы Клейн не раз совершал поездки в Италию, Францию, Германию и Египет. Там он изучал крупнейшие музеи и памятники искусства, консультировался с мировыми авторитетами в области музееведения.

Москва Апрель 20 дня 1913 года.

Его Превосходительству Гомодому
Сектору Императорскаго Московскаго
Университета Матвею Кузьмичу
Любавскому

Милостивый Государь
Матвей Кузьмич

Настоящим письмом гостю подтвердить,
что я согласен принять на себя составле-
ние проекта, сметы и технический
надзор по постройке новаго здания
для Минералогическаго и Геологическаго
Институтовъ при Императорскомъ
Московскомъ Университетѣ на усло-
віяхъ, изложенныхъ въ Вашемъ письмѣ
отъ 1го марта 1913 года

Примите Вашъ мою искреннюю бла-
годарность за оказанное мною добротѣ,
готову принять въ совершенномъ
полюбіи убавленіи и преданности
1913. апрель 20 дня. Академикъ архіепископъ Р. Клейна

Письмо Р. И. Клейна М. К. Любавскому.
Документ из фондов Центрального исторического архива г. Москвы

20 апреля 1913 г., после полуторамесячного размышления, Р. И. Клейн письменно уведомил М. К. Любавского о своем согласии принять его предложение. Он стал автором детальных чертежей нового рабочего проекта и сметы, архитектором-строителем здания, возводившегося в центре города в 1914—1918 гг.

Для строительства этого здания, как и для ранее построенных корпусов архитектурного ансамбля Московского университета, 7 августа 1913 г. была учреждена на основании Высочайшего повеления Строительная комиссия, первое заседание которой состоялось 20 сентября 1913 г. В ее состав входили: председатель комиссии ректор университета М. К. Любавский, советники правления университета — помощник ректора Э. Е. Лейст, проректор М. Н. Никифоров, деканы факультетов — А. А. Грушка, Л. К. Лахтин, Д. Н. Зернов, архитектор-строитель здания Р. И. Клейн, член-техник (штатный архитектор университета) М. Л. Малашкин и представитель Государственной контрольной палаты старший ревизор А. П. Делекторский, которого в августе 1914 г. заменил младший ревизор И. В. Карпачевский. На все заседания комиссии постоянно приглашались «заинтересованные лица»: заведующий Геологическим кабинетом профессор А. П. Павлов и заведующий Минералогическим кабинетом профессор С. Ф. Глинка.

Строительная комиссия регулярно собиралась на заседания. Так, например, только в июле 1915 г. прошло 6 заседаний. На них выбирались подрядчики — из тех, кто откликнулся на объявления в газетах о сдаче строительных работ. Работы выполнялись строго в соответствии с чертежами архитектора-строителя, из качественных отечественных материалов. За заказ на производство определенных работ обычно боролись от трех до пяти фирм. Подрядчики, приступая к работе, вносили залог деньгами или ценными бумагами, гарантирующий аккуратное и своевременное выполнение полученных заданий и соизмеримый со стоимостью производимой работы; этот залог они получали назад лишь по завершении работы.

Сохранившиеся документы Строительной комиссии, протоколы рабочих заседаний, обильная переписка воссоздают атмосферу того времени и характеры отдельных членов комиссии.

Для переписки между подрядчиками и Строительной комиссией были обычны такого рода выражения: «В надежде, что Вы найдете назначенные нами цены для себя подходящими и удостоите нас Вашим почтенным заказом в ожидании коего пребываем с совершенным почтением...» (из письма представителей «Торгового дома М. Франк и сын») [3, л. 270].

Первая смета на строительство здания была утверждена в сумме 373329 руб. 18 коп. Первоначальный кредит на строительство в сумме 50 тыс. рублей был получен Строительной комиссией только в октябре 1913 г. На первом же заседании комиссии постановили: «Признать наиболее выгодным и удобным производство работ оптовым подрядом» [6, л. 4 об.]. Строительные работы начались весной 1914 г. Для сноса Аптечного корпуса — на тот момент ректорского дома — был заключен договор с подрядчиками А. И. Копыловым и С. Н. Федоровым, которые должны были вы-

полнить эти задания до июня 1914 г., а земляные работы под фундамент — к июлю 1914 г. Скульптору А. А. Аладьину было поручено снять и отреставрировать лепные украшения со сносимого здания [6, л. 38 об.]. В июне 1914 г. был обустроен забор на границе владения университета и церковной земли (рядом с Аптечным корпусом находилась «Георгиевская церковь, что на Красной горке»).

Каменными работами руководил харьковский 1-й гильдии купец Солун С. Г. Штукатурные работы поручили П. А. Захарову, а малярные, кровельные и прочие — Н. Д. Елизарову. Стропила для крыши, а потом паркет укладывали рабочие паркетной и столярной фабрики А. Э. Ганзена. Стекольные работы выполняло акционерное общество «М. Франк и сын». Устройство лестниц произведено торговым домом «Рубинштейн с сыновьями», железные кованые перила к лестницам поставил П. Н. Шабаров. Ступени в вестибюле из серого екатеринославского гранита были уложены под руководством Н. А. Захарова.

Строительство сопровождалось трудностями и конфликтами. В мае и июне 1914 г. стояла исключительно сухая погода. 24 июня 1914 г. на заседании Строительной комиссии слушали доклад «Господина Строителя» Р. И. Клейна, в котором, в частности, подчеркивалось, что при рытье канав под фундамент на глубине 1,6 м обнаружился пływун: «каждый штык песка, взятый лопатой, немедленно заплывает пływучим песком» [6, л. 27]. А затем Клейн указывал, что необходимо «дно канавы неизбежно опустить до нетронутого материка, а не на 1,85 сажени, как то предполагалось проектом и сметой», и «понизить линию грунтовых вод, устроив поглощающий колодец и нужную дренажную сеть» [6, л. 27 об.].

На заседании 10 октября 1914 г. Р. И. Клейн представил образцы слоев буровой скважины поглощающего колодца, пробуренного Трейером. Комиссия постановила передать эти образцы керна на хранение в Геологический и Минералогический кабинеты [6, л. 47].

В октябре 1914 г. строительство было приостановлено: наступили холода, рабочие разъехались по деревням. Весной 1915 г. работы возобновились, и в июле кладка стен была доведена до карниза.

Начиная с августа 1915 г. в протоколах Строительной комиссии отмечаются претензии представителя Контрольной палаты младшего ревизора И. В. Карпачевского к архитектору-строителю здания Р. И. Клейну. Первоначально это касалось превышения объема кирпича, уложенного в стены, на 5%. Р. И. Клейн по этому поводу сделал 15 августа 1915 г. доклад на комиссии о необходимом объеме кирпича и способе его исчисления. Он предлагал считать объем кирпича кубическими саженьями, а Карпачевский и Малашкин — квадратными саженьями.

Отклонения от предварительной сметы строительства здания оказались неизбежными, и архитектору-строителю, естественно, пришлось ее переработать. Толщину стен он делал, «сообразуясь только с техническими и художественными задачами постройки» [6, л. 112 об.].

Для разрешения конфликта Р. И. Клейн незамедлительно обратился с

просьбой назначить комиссию по обмеру толщины стен. Созданная комиссия провела тщательную проверку действительной толщины стен и сделала заключение о полном ее соответствии расчетам архитектора-строителя Клейна. Представитель Государственного контроля предлагал считать стену толщиной в 3,5 кирпича за 3 кирпича (и соответственно меньше платить подрядчикам), с чем Р. И. Клейн категорически не соглашался, официально заявляя на комиссии, что «вообще в Москве точно-нормального кирпича не существует» (в акте комиссии указано, что «кирпич оказался частью полномерный и частью меньших размеров») [6, л. 116]. Спор о кирпиче закончился только на заседании 18 мая 1916 г., когда член-техник комиссии архитектор М. Л. Малашкин в своем докладе заявил: «Рассмотрев предварительные сметы и эскиз проекта Гребенщикова и сравнивая со сметой и эскизом Р. И. Клейна, решили, не может считаться нарушением незначительное утолщение стен» [6, л. 160].

Таким образом, на примере с кирпичной кладкой стен здания вполне очевидно, что замечания Карпачевского носили характер безосновательных придириков. Но в этих склоках Р. И. Клейну приходилось терять много времени и здоровья, создавать комиссии, составлять акты, писать объяснения, доказывать очевидное, что, безусловно, отвлекало архитектора-строителя от осуществления его замысла. Все это было ему неприятно. У него даже возникало желание оставить эту интересную работу. Ведь он уже немолод, достаточно широко признан, а необходимость оправдываться перед младшим ревизором очень угнетала.

В процессе дальнейшей работы не раз возникали похожие ситуации. Так, сосновые оконные рамы отдавались на лабораторные исследования, чтобы определить породу дерева и количество клея между деталями рам, хотя каждый раз все соответствовало стандартам. В 1915 г. Роман Иванович поставил над аудиторией вместо железных балок железную ферму, что было вызвано «вследствие военного времени реквизицией всего имеющегося на складах сортового и двутаврового железа» [7, л. 301]. Строительная комиссия, включая представителя Контрольной палаты, согласилась с этим. Кстати, это дало 19% экономии денег, а вес перекрытия уменьшился почти вдвое: вместо 800 пудов по проекту ферма весила 490 пудов. Однако через два года Карпачевский с Малашкиным вновь подняли этот вопрос, обвиняя Клейна в нарушениях проекта и сметы.

С мая 1915 г. на заседаниях Строительной комиссии иногда, а с апреля 1916 г. почти всегда вместо Р. И. Клейна присутствовал его заместитель — Г. А. Шувалов.

Любопытно заметить, что Р. И. Клейн и деньги за свой труд получал крайне нерегулярно. К декабрю 1916 г. он получил всего лишь 3300 руб. гонорара вместо положенных 13500 (эта сумма составляла 4% от израсходованных к тому времени на строительство денег — от 338300 руб.). И в этом ему чинил препятствия все тот же Карпачевский. Клейн был вынужден воспользоваться его отсутствием, чтобы в декабре 1916 г. попросить выдать в счет гонорара 5000 рублей.

К началу 1916 г. коробка здания была, в целом, построена, возведена крыша, и начались отделочные работы. Предметом убранства интерьеров стали лепные порталы и колонны с золочеными капителями в вестибюле, парадная лестница. В апреле 1916 г. подряд на скульптурные работы внутри здания получила 1-я Московская артель, руководил ими скульптор Фердинанд Фердинандович Кенигседер. В счете этой артели от 25 ноября 1917 г. значатся: «Арка из архитектурных линий над дверью, в вестибюле справа и слева от входа сандрины из архитектурных линий, над дверью в полукруге украшение, состоящее из кругов с головками, и грифоны» [7, л. 33]. К сожалению, ничего из этого перечня до наших дней не сохранилось.

Для создания единого ансамбля со стоящим рядом Университетским домом Р. И. Клейн не только использовал рустовку цокольного этажа, воспроизвел форму и расположение окон, белокаменные детали, боковые ризалиты, повторяющие декор университетских зданий, но и полностью сохранил характер лепных украшений.

В наружном скульптурном убранстве получила выражение тема героики — это многочисленные маски, рельефы с атрибутами победной символики, ассоциируемой с эпохой 1812 г. На плоскости стены размещены разного рода знаки, несущие в себе определенную семантику. Этот своеобразный «текст» позволял через призму древней мифологии ощутить изображаемые события.

*Здание музея (вид с Моховой). 1920-е гг.
Фото предоставлено отделом истории геологии ГГМ им. В. И. Вернадского*

*Вид на Московский университет и здание музея (крайнее справа) с Манежной площади.
1949 г. Фото из фондов ГНИМА им. А. В. Щусева*

Тарелки со змеевидными завитками лент напоминают лик Медузы, который воспринимался как талисман, отвращающий опасность. Медуза связывалась и с образом Афины-воительницы. Венки и гирлянды из цветов были знаком почести героев войны. Факелы ассоциировались с торжеством победы.

Две ордерных кубиколы, уподобленных минипортикам, по бокам здания во дворе обозначали «врата учености» и одновременно напоминали о двуликом Янусе, глядящем в прошлое — в ушедшее время войны и в будущее — время наступившего мира. Грифоны на антаблементе «врат» по обе стороны «тарелки» служили символом мудрости и просвещения. Этот характерный атрибут силы и власти в начале XIX в. соотносили с деятельностью императора Александра I. Сила и власть, величие и благородство читались и в маскаронах львов в замковых камнях окон (см. [1, с. 20—21]). Раньше эти маскароны служили украшением снесенного Аптечного корпуса, они хорошо видны на его фотографии. Снятые и отреставрированные скульптором А. А. Аладыным, маскароны как бы начали на здании музея новую жизнь.

Между крупными рельефными изображениями нетрудно заметить шестиконечные звезды — атрибут мудрого библейского царя Давида, победившего в единоборстве великана Голиафа. Вполне возможно, что это еще одна параллель с императором Александром I, сыгравшим важную роль в освобождении европейских народов от Наполеона.

В течение 1916—1917 гг. проводились работы по обустройству внутренних помещений (отопление, водопровод, вентиляция, электропроводка и т. д.). В целом строительство здания было закончено летом 1918 г.

Со сменой власти в России в октябре 1917 г. действия И. В. Карпачевского активизировались. Так, в апреле 1918 г. в адрес Строительной комиссии поступило отношение Московской контрольной палаты, в котором содержались положения, указывающие на дефекты деятельности Клейна и говорящие о «крайне незэнергичном ведении дела». 18 июля 1918 г. архитектор-строитель написал на имя Строительной комиссии письмо на 7 листах с объяснениями по каждому пункту отношения. Роман Иванович писал: «...несмотря на горячее мое желание принести посильную помощь своими техническими и художественными знаниями в таком серьезном, ответственном для меня как художника-архитектора, особенно дорогое дело, как построение университетских институтов в непосредственной близости к чудным по архитектурным линиям зданиям „Старого Университета“, я все же неоднократно отказывался от звания Строителя, рассчитывая этим избавить Комиссию от тех упреков, которые ей приходится получать от представителей Государственного Контроля по поводу моей работы. Не приняв моих просьб об освобождении от обязанностей Строителя, Комиссия в лице ее Председателя выразила мне лестный для меня отзыв о моей деятельности в качестве Строителя. И это обстоятельство придает мне бодрости и силы. Я смело могу заявить, что к порученному мне делу я приложу все силы разума и энергии и что все предстоящие под моим наблюдением работы будут вестись полным ходом и будут закончены к сроку» [7, л. 222].

Строительство здания пришлось на трудный период нашей истории: первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции. Кредиты на строительство то сокращались, то закрывались, но все же вновь открывались. Учитывая важность поставленного целевого задания, несмотря на сложнейшие условия военного времени, рабочим, занятым на стройке, предоставлялась отсрочка от военного призыва. Р. И. Клейн пишет в том же письме от 18 июля, что «необходимо учитывать именно то время и ту обстановку, при коих производилась постройка, когда количество рабочих рук убавлялось с каждым днем, когда к оставшимся рабочим пришлось предъявлять пониженные требования качества их работы и когда материалы исчезли с рынка и их необходимо было заменять другими материалами, для чего приходилось совершенно заново составлять конструкционную часть постройки, частей здания и пересоставлять утвержденную смету. Всякому, знакомому с деловой жизнью, было ясно, что положение ухудшалось с каждым днем, и только быстрое приспособление к жизни могло спасти положение и способствовать доведению работ до конца» [7, л. 224].

Клейн просит Комиссию для разбора тяжбы с Карпачевским обратиться в Третейский Суд, организованный в Москве при Всероссийском союзе юристов. 31 июля 1918 г. ректор университета М. Мензбир послал в комиссариат письмо в защиту Р. И. Клейна, но тем не менее Народный комиссариат Государственного Контроля (прежняя Контрольная Палата) 21 августа

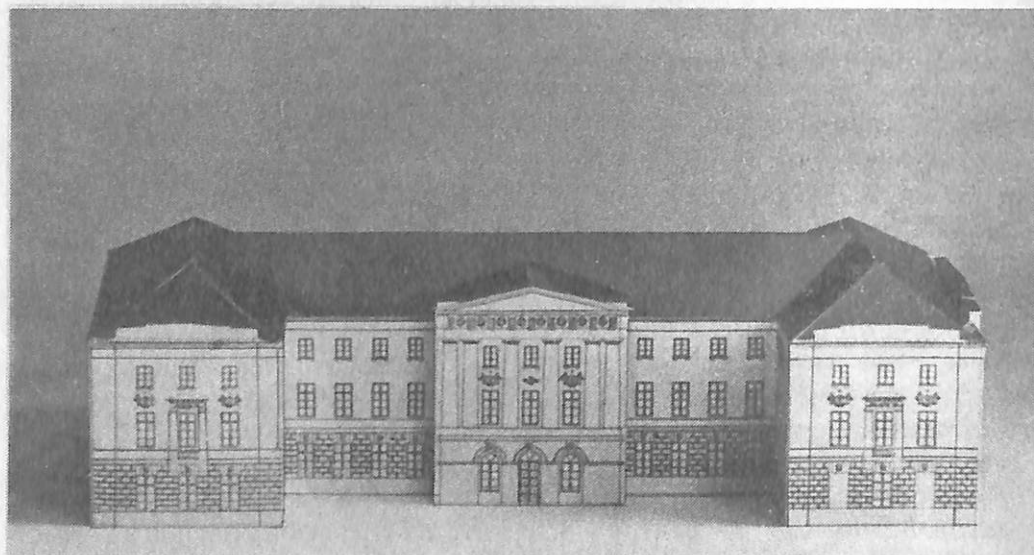
та 1918 г. поддержал обвинения теперь уже старшего контролера И. В. Карпачевского и пожелал привлечь Р.И.Клейна к суду, а до окончания дела в суде отстранить его от должности, да еще и с угрозой привлечь всех членов Строительной комиссии за упущения в работе к рассмотрению Комиссариатом юстиции [7, л. 227].

В то же время в свидетельстве, выданном Р. И. Клейну 26 мая 1918 г. профессором Московских высших женских курсов Алексеем Ланговым и заверенном красной сургучной печатью, было отмечено, что он «страдает расширением аорты и хроническим воспалением сердца», поэтому пациенту дан настоятельный совет «избегать волнений и оставить совершенно всякие занятия» [7, с.291]. На этом основании Клейн просит освободить его от обязанностей строителя и с этих пор отходит от музейных дел (выразив, впрочем, готовность помогать работе любыми консультациями — бесплатно).

В марте 1918 г. Москва стала столицей нашей страны. Поэтому все правительственные и большинство государственных учреждений начали перебазироваться из Петрограда в Москву.

Здание, возведенное Клейном на Моховой, предполагалось отдать учреждениям Геологического комитета России (директор А. К. Мейстер), переезжавшего в Москву. В связи с этим на одном из заседаний Строительной комиссии было принято решение срочно занимать новое здание, пока его не отобрали у Московского университета.

Последнее заседание Строительной комиссии состоялось 28 апреля 1919 г. под председательством нового ректора М. М. Новикова; на нем постановили: «Считать деятельность Строительной комиссии ликвидированной и передать дела Комиссии в Правление университета» [6, л. 331].

Макет здания Музея. 1996 г.

Интерьер зала Палеонтологического музея.

Фото из фототехнического отдела истории геологии ГГИ им. В. И. Вернадского

Новое трехэтажное здание Музея имело площадь около 4000 кв. м. Левое крыло здания предназначалось для минералогии, правое — для геологии. В нижнем этаже находились музейные залы, ряд лабораторий и подсобные помещения в виде разборочной и склада, на минералогической половине в нижнем этаже помещались лаборатории: синтетическая, кристаллизационная, химическая; на втором этаже располагались библиотека, гониометрический, оптический и рентгеновский кабинеты, спектральная и фотографическая лаборатории; на геологической половине второго этажа здания — большой музейный зал и кабинет профессора [2, с.208]. Лаборатории были оборудованы новейшей для того времени аппаратурой. Новое помещение давало возможность широко развернуть накопившиеся к тому моменту многочисленные коллекции минералов, горных пород и ископаемых организмов.

С переездом в новое здание Геологический музей разделился на два — Геологический, которым заведовал А. П. Павлов, и Палеонтологический, который возглавляла М. В. Павлова.

О состоянии Геологического кабинета в 1918 г. говорят следующие цифры: Геологический и Палеонтологический музеи заключали до 14000 номеров ископаемых, до 3000 тыс. номеров горных пород, 25 серий микроскопических препаратов [2, с. 226], много книг, таблиц, диапозитивов.

Упомянутые музеи явились центром дальнейшей научно-исследовательской работы и способствовали развитию новых перспективных направлений геологических наук.

Для публичного посещения музей был открыт только в 1924 г., так как до этого времени пришлось ремонтировать поврежденную отопительную систему, оборудовать музейные залы витринами и создавать экспозицию.

В нелегкое для страны время (1918—1930 гг.) в здании на Моховой шла напряженная научная работа. Созданная академиком А. П. Павловым научная школа московских геологов успешно продолжала исследования в области стратиграфии, литологии, тектоники, палеонтологии, региональной геологии. С ней связаны имена таких известных ученых-геологов, как А. Д. Архангельский, Г. Ф. Мирчинк, А. А. Чернов, Е. В. Милановский, А. Н. Мазарович, М. С. Швецов, Н. С. Шатский, Н. М. Страхов. Большие достижения в области минералогии были связаны с именами Я. В. Самойлова, Г. В. Вульфа, Н. А. Смольянинова, П. П. Пилипенко.

В 1930 г. здание было передано вновь созданному Московскому геолого-разведочному институту — МГРИ (с 1932 г. им. С. Орджоникидзе), куда вошли Геологический и Минералогический институты с музеями МГУ, геолого-разведочный факультет и минералогический музей Московской горной академии. В эти годы минералогические и палеонтологические коллекции МГРИ выполняли преимущественно учебные функции.

В 1987 г. институт получил новое помещение на юго-западе столицы (ул. Миклухо-Маклая), а незадолго до этого правительство издало распоряжение о передаче старинного музейного здания одному из учреждений Государственной комиссии по внешнеэкономическим связям при Совми-

Большая аудитория после реконструкции. 1996 г.

не СССР. Коллектив МГРИ и научная общественность Москвы выразили протест против такого решения и отстояли здание [8, с. 149].

В декабре 1987 г. вышло правительственное Постановление «О 125-летию со дня рождения В. И. Вернадского», куда был включен пункт об организации в здании на Моховой улице Государственного геологического музея им. В. И. Вернадского. Первым директором музея стал член-корреспондент РАН А. М. Дымкин, однако вскоре, в январе 1992 г., он скончался. Здание, прослужившее верой и правдой нашей геологической науке в течение 70 лет, естественно, требовало больших реставрационных работ, которые полным ходом начались с приходом в июне 1993 г. в музей нового директора академика РАН Д. В. Рундквиста. К настоящему времени реставрационные работы в основном закончены на первом и втором этажах здания. Экспозиционные залы Минералогического и Геологического музеев приняли свой первоначальный облик. В отделке ступеней лестниц и пола в вестибюле использованы светлые разновидности мрамора, позолочены капители колонн, воссоздан колер стен.

Здание приобретает свой первоначальный вид, вновь становится настоящим дворцом — таким, каким оно было по воспоминаниям современников при его открытии: архитектурным украшением столицы России [9, с. 165].

В апреле 1996 г. открылись для посетителей музейные залы, где работают экспозиции «Мир минералов», «Земля и ее биосфера», зал временных выставок и видеозал. Музей становится общероссийским научно-исследовательским и культурно-просветительским центром в области наук о Земле.

Список литературы

1. Место, наукам посвященное... Из истории Московского университета. М., 1995.
2. История геологических наук в Московском университете. М., 1962.
3. Центральный исторический архив г. Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 512. Д. 132.
4. Демская А., Смирнова Л. Музей на Волхонке. М., 1982.
5. Шикман А. П. Улица Кирова, 7. М., 1989.
6. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 512. Д. 118.
7. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 512. Д. 127.
8. История Московского геолого-разведочного института. М., 1991.
9. Геология в Московском университете за 50 лет Советской власти. М., 1967.